

Владимир Баданин

**ПРИДУМАННЫЙ
МИР**

Инфра-Инженерия

Владимир Баданин
Придуманый мир

«Инфра-Инженерия»

2013

Баданин В. А.

Придуманный мир / В. А. Баданин — «Инфра-Инженерия», 2013

В книге «Придуманный мир» представлены разнообразные литературные жанры - от рассказов и стихов до басен, шуток и философских размышлений. Книга рассчитана на самый широкий круг читателей, особенно молодёжи. Своим творчеством я предлагаю новый образ жизни, новое качество бытия земного.

© Баданин В. А., 2013

© Инфра-Инженерия, 2013

Содержание

От автора	5
Рассказы	6
Отец	6
Характер вологодского мужика	7
За сеном	9
Нина Ивановна, Григорий и Вовка	11
Пашка-шагомер	17
Случай на переезде	20
Семь скобелей	21
Школьные годы	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Владимир Анатольевич Баданин

Придуманный мир

От автора

Взглянем на окружающий нас мир шире и по-другому, ведь мы – часть его. Мы не одни на планете, тем более – во Вселенной. В природе нет ни одного предмета, изготовленного в единственном числе. В природе всё взаимосвязано, всё в движении.

В основе человеческой жизни должны стать любовь, доброта, терпимость, юмор и философское восприятие действительности. Вечный двигатель, который пытаются изобрести учёные, – это и есть вечная борьба добра со злом. Проходя земной путь, постарайся накопить как можно больше добра, тепла и чистоты души своей, чтобы лучше чувствовали себя окружающие тебя люди.

Это очень важно для всех. Важно, чтобы все мысли и действия твои были направлены на позитив, на созидание, без ущерба окружающей среде и людям.

Рассказы

Отец

В тридцать три года он был неизлечимо болен. Об этом знали все близкие.

Он тоже знал, но никак не мог поверить в то, что очень скоро оставит жену, родителей и детей – и уйдёт в вечность.

Как-то мартовской ночью 1961 года от Рождества Христова, мучаясь от бессонницы, он молча смотрел из окна своей деревянной избы, которую три года назад сам и поставил в лесопункте, вместе с мужиками.

Улица хорошо просматривалась, освещаемая ночной луной в сопровождении Полярной звезды и мириадами других звёзд, осыпавших небосвод.

Вдруг он увидел стаю волков, уверенно идущих по посёлку, – друг за другом, а впереди шёл вожак, белый волк.

Он воскликнул: "Волки!" Восторг, ужас, прилив волны чувств, жизни, плеснувшей через край, ему не с кем было разделить. И он, тяжело дыша, бросился к спящему сыну Вовке: "Вовка, Вовка! Чего спишь, вставай, посмотри – по посёлку идут волки, а впереди них белый волк, должно быть – их вожак!"

Сын его, Вовка, пяти лет от роду, спал глубоким сном и был где-то далеко, и не хотел просыпаться. Тогда отец схватил его, спящего, прижал к себе и метнулся к окну, смахнув в сторону мешавшую оконную занавеску.

"Вовка, проснись, смотри – вот они идут, хищники, как у себя дома в лесу, и ничего не боятся!"

И сонный Вовка проснулся от шума. Волков он так и не увидел, а увидел своего отца, обхватил его за шею обеими руками, прижался к его груди и снова заснул.

А утром Вовка проснулся под плач мамы, братика и сестры – и узнал, что их отец умер, оставив их одних...

Март 2008 г.

Характер вологодского мужика

Про моего деда Ивана мне рассказывали, что он был спокойный, добродушный мужик, высокий, с красивыми правильными крупными чертами лица. Был он не многословен – скорее, молчалив.

В 1942-м году шла война...

На войну призвали четверых его родных братьев. А сам он пока продолжал работать председателем колхоза и воспитывать, с женой Надеждой Гавриловной, своих четверых детей: Нину, Николая, Анюту и Владимира.

Однажды на колхозном собрании (это было зимой 1942-го года) он снял с себя полушубок и отдал его своему заместителю, сказав ему: "Вместе с этим полушубком я отдаю тебе и колхоз со всеми делами – и сейчас ты в ответе и за людей, и за дела".

Было тогда деду Ивану 37 лет.

После колхозного собрания он поужинал дома. Попрощался с женой и детьми и пешком ушёл в районный центр. Это недалеко, всего в двадцати километрах от его родной деревни.

В военкомате его выслушали, с его доводами, наконец, согласились и направили добровольцем на фронт, вместе с другими земляками.

Когда я был маленьким и рос именно в этой деревне, из которой мой дед Иван ушёл на войну, многие мне рассказывали такой случай из его фронтовой жизни.

Где-то под Смоленском шли тяжёлые бои. Дед Иван командовал артиллерийским расчётом, был уже в небольшом офицерском звании.

Однажды он, с разрешения старших командиров, отлучился на ночь в деревню, которая была неподалеку от их воинской части. Он каким-то образом узнал, что там проживает один старик, с точно такой же редкой фамилией, как и у него.

Этого старика и решил проведать Иван и поговорить с ним.

Дед этот кое-что помнил о родных местах, и разговор их затянулся до глубокой ночи. Они немного выпили и решили отдохнуть.

Прилёг Иван на пару часиков, чтобы сильно не утомлять деда и поутру вернуться к своим. Но, видимо, измотанный бессонными фронтовыми ночами, сразу же крепко заснул.

Ночью послышался какой-то странный нарастающий гул. Дед тормошил спящего Ивана и говорил ему: "Слышь ты, Иван, – беги к своим, "Тигры" идут!". Полусонный Иван выбежал на улицу в кальсонах и белой рубашке и во всю мочь побежал к своим, забыв попрощаться с дедом.

Навстречу ему на огромной скорости приближался наш танк "Т-34", а его преследовал танк большего размера и со свастикой.

Водитель "Т-34" пожалел обезумевшего мужика и свернул на обочину, продолжив движение. Иван тоже продолжил движение – прямо к фашистскому танку – и махал ему руками, словно говоря: "Давай, иди сюда!"

Танк остановился в нескольких метрах от него. Фашисты в танке, видимо, приняли Ивана за своего. Открылся верхний люк башни, и оттуда высунулся немец.

Иван помахал ему рукой и, с разбегу запрыгнув на гусеницу танка, забрался на корпус, стукнул немца по голове и проник вслед за ним в корпус танка.

Говорят, что он там быстренько всем "гансам" настучал по шлемам и двинулся к своим, управляя танком.

Остальные немцы, видимо, не понимали, что происходит, их танки прекратили движение, затаившись внизу небольшого оврага.

Вскоре Иван прибыл в немецком танке к своему расчету, который прямым попаданием "раздел" левый трак гусениц танка и вновь оглушил начавших приходить в себя сидевших в танке немцев, разозлив ещё больше Ивана.

Иван открыл люк, погрозил своим товарищам кулаком и крикнул, что было мочи, чтобы прекратили стрельбу по своим. Наблюдая в бинокль, свои узнали Ивана и поспешили к нему на помощь...

Ивану, моему деду, дали за это орден Боевого Красного Знамени.

Домой дед Иван так и не вернулся Он погиб 1 февраля 1945 года на территории западной Польши, почти рядом с границей Германии. Погибли на фронте и три его родных брата. Могила деда Ивана не смогли найти ни сын его Владимир Иванович, ни я, когда несколько раз ездил в Польшу в 90-е годы.

Мне сейчас 54 года, но я всё ещё чувствую себя молодым. Знаете, мне кажется, что моего деда и искать не надо.

Мне кажется, что он во мне сидит. Если меня сильно "достанут" и несправедливо обидят, то я смогу оторвать башню любому "Тигру" или столкнуть лбами два каких-нибудь недоделанных небоскрёба.

Лучше не сердите вологодского мужика. И пусть он занимается своим делом, растит своих детей и внуков и занимается летом на своем огороде или даче.

Ведь он – настоящий мужик, он даже муху не тронет. Если, конечно, она ему не мешает.

Мой сын Иван внешне и внутренне очень похож на моего деда Ивана, но он ещё слишком молод, ему всего 23 года, и он не знает о своих внутренних возможностях. Я за ним наблюдаю.

А я похож, судя по фотографиям – как две капли воды, – на своего прадеда, который погиб, сражаясь в армии Колчака. Кадровый военный, он был верен присяге и был близок к Колчаку, и погиб в гражданскую войну.

Такого с нами больше не будет. Мы не будем уничтожать друг друга. И поумнеем вскоре так, что поразим весь мир своим пониманием земной жизни.

В жизни ведь всегда есть место подвигу. Живите и не ищите подвига. Искать подвиг – это всё равно, что искать приключений на свою голову. Он, подвиг, сам найдёт вас. И, главное, – в решающую минуту не окажитесь трусом, подонком и предателем. Я вас умоляю.

2008 г.

За сеном

Зима выдалась на редкость суровой в тех краях. Ей предшествовали жаркое лето и красивая осень – раскрашенная во все возможные цвета и оттенки красок листва и обилие красной рябины.

Зимой в колхозе имени Фрунзе, на востоке области, с кормами дела обстояли совсем плохо.

Степан – бригадир Теребаевской бригады, вдвоём с убогим мужичонкой Митькой, обычным колхозником, на двух подводах, отправились за сеном для коров колхозной фермы. У летовища в пойме реки Кипшеньги они разворошили ждавший их с лета стог сена и грузили его на сани.

Здоровенный, работающий Сорокадвухлетний мужик Степан кидал сено, словно играя деревянными вилами-треногами, сделанными из черёмухи. Митька принимал охапки сена на возу в санях и утапывал его. Он был весь " в мыле " и едва успевал за Степаном.

Когда была загружена первая подвода, Степан объявил перекур. Он ловко смастерил из обрывка районной газеты "Никольский коммунар" и щепотки махорки из кисета две самокрутки-цигарки, которые в народе называли "козьи ножки". Одну протянул Митьке, вторую взял себе.

Курили молча. Митька кашлял и суетился. Степан курил и думал о чём-то своём. После перекура загрузили сеном вторую подводу.

Гружённые двумя добротными возами, поехали в обратный путь, домой, на ферму к колхозным коровам.

Полозья саней скользили по снегу, по пологому склону к речке Кипшеньге; казалось, гружённые сеном сани сами толкали колхозных лошадей, порядком исхудавших за зиму на скудных харчах.

Доехали до реки, минуя деревню Подол, и стали подниматься в гору. На середине горы (вернее – очень крутого холма), ведущей к колхозной ферме, которая виднелась в трёхстах метрах от них, лошади встали.

Степан хлестал их вожжами, ругал матом. Лошади с трудом делали несколько шагов и останавливались, изо всех сил удерживая воз с санями, которые тянули их под гору к реке.

Степан позвал Митьку к себе. Объяснил, что сначала надо вытащить в гору один воз, потом второй. Митька держал вожжи. Степан бил лошадь кнутом, ругая матом её, колхоз и районные власти заодно с областными – ругал матом всё и всех. При этом он изо всех сил, упираясь ногами, руками и плечом, толкал сани, помогая колхозным лошадям... С передышками они всё же дотащили оба воза до фермы.

А через неделю за Степаном приехали из районного НКВД, арестовали его и увезли.

Увезли "на десять лет без права переписки" за то, что ругал колхозных лошадей, колхозное, районное и областное начальство, советскую власть.

Сделали это по рапорту секретаря партийной ячейки, который был написан со слов главного и единственного свидетеля – Митьки.

Степан отсидел-отработал в лагере, где-то в Сибири, пять лет. Потом был мобилизован в дивизию Рокоссовского, воевал с фашистами до самой Победы.

И в 1945 году, поздней осенью, в звании майора Советской Армии, весь в орденах и медалях, седой, как лунь, вернулся домой, в родной колхоз. К жене, так долго ждавшей его, и к неузнаваемо подросшим детям.

В деревне он узнал о том, что Митька в 1942 году был мобилизован на фронт и погиб где-то под Курском.

8 мая 2010 г.

Нина Ивановна, Григорий и Вовка

Вовке было шесть с половиной лет, и он собирался первого сентября идти в школу, в первый класс. Жил он с мамой – Ниной Ивановной, братом Анатолием и сестрой Валентиной в посёлке лесорубов, носившем весёлое название Молодёжный.

Отец его умер полгода назад. Вовка его хорошо помнил и очень жалел, и в смерть его не верил. Ему казалось, что отец уехал с мужиками рубить лес на отдалённую делянку и, закончив работу, вернётся из командировки...

Все буквы Вовка уже давно выучил. Научился и писать их прописью. Рано утром мать уезжала на работу в лес – рубить сучки, а в зимнее время – отгрести лопатой снег от ёлок, которые спиливали мужики. С вечера она оставляла Вовке в тетради несколько букв, больших и маленьких, и просила его написать точно так же, как она, несколько строчек.

День без мамы казался вечностью, и Вовка старался изо всех сил, выводил буквы пером с фиолетовыми чернилами, которые были в стеклянной чернильнице. А вечером уставшая мама проверяла его писанину и ставила ему оценку. И тут же давала новое задание на следующий день.

Так они играли "в школу". И все буквы уже были пройдены, писать он умел и даже читал, но по слогам. В одной из детских книжек он прочитал, правда, с помощью мамы, и выучил коротенькое стихотворение и часто, где надо и не надо, произносил его вслух:

Дайте мне винтовку,
Я поеду в бой.
Никто меня не тронет —
Я маленький герой.

Глядя на Вовку, взрослые улыбались и хвалили его маму, Нину Ивановну. Но Вовка на них не обижался.

Шёл август 1961 года.

В посёлке Молодёжном проводились работы по электрификации. Приехала машина, и в тех местах, где ровно через каждые 60 метров мужики лесенкой на полметра раскопали грунт и поставили вешки, сверлила буром землю на глубину около двух метров – под столбы для линии электропередач.

В конце августа в магазин привезли арбузы. Нина Ивановна отправила за ними Вовку. Отстояв очередь, Вовка, под весёлое одобрение продавщиц и покупателей, выбрал два крупных арбуза. Ему помогли положить их в сетки, и Вовка, ссутулившись от тяжести, вышел на улицу.

Начался ливень. Многие пережидали его, стоя на ступеньках сельского магазина. Яркие вспышки молний и треск грома вызывали ужас, восторг и замешательство многих.

Но не Вовки. С двумя арбузами в сетках он засеменял по направлению к дому – тут же рядом, всего метров пятьсот. Дорогу и дома освещали вспышки молний, потом наступала кромешная темнота.

Потом в темноте проглядывали силуэты домов и окна, которые тускло освещались керосиновыми лампами.

С перебежками, уставший, весь по колено в грязи, в воде и глине, Вовка добежал до соседского дома, поскользнулся и упал.

Упал неудачно, скатился по ступенькам, вырытым мужиками на том месте, где бурили под столб, а затем и в саму, вырытую почти на два метра, круглую яму. Арбузы остались где-то наверху. А на дне было темно, вода и лягушки.

Чтобы не захлебнуться, он упёрся руками. Руки его упирались в мокрое глиняное дно ямы, вода касалась волос на голове.

Развернуться и встать на ноги не было возможности, так как яма была слишком узкая. Вовка попробовал вылезать, упираясь руками и ногами. Но ничего не получалось. Руки съезжали по глине, и он плюхнулся в воду вниз головой. Распугал лягушек и набрал полный нос воды.

Вовка успокоился на какое-то мгновение и оставался стоять на руках, фыркая носом. Потом услышал голоса двоих мальчишек из соседнего дома. Они склонились над ямой и светили фонариком.

"Вовка, – произнёс один, – чего ты там делаешь?" "Вытащи меня", – попросил Вовка.

В это время к ним подбежала хозяйка дома, женщина средних лет, Катерина, и сказала своим сыновьям: "Ну-ко, идите домой! Что вы там делаете?" – "Там Вовка..." Катерина подошла к яме. Встала на коленки, схватила Вовку за ногу и вытащила его.

Вовка ничего не говорил. Поднял арбузы. Катерина повела его, вместе с арбузами, к нему домой.

Нина Ивановна уже начала беспокоиться: такая гроза, а Вовки что-то долго нет. Хорошо, если пережидает ливень в магазине... Она накинула плащ и пошла за сыном. На улице увидела соседку Катерину и Вовку.

Вовка, перепачканный с головы до ног глиной, весь мокрый, молчал.

Зато взволнованная Катерина рассказала матери, что случилось.

Придя домой и переодевшись, Вовка лёг на кровать и заснул.

Утром мать, уезжая, как обычно, на работу, опять дала ему задание в тетради, но сын слушал её молча. "Вовка, что с тобой случилось?!" – почти кричала она, а Вовка пытался сказать, но у него ничего не получалось. Так из обычного нормального мальчугана он превратился в заику.

Наступил сентябрь.

В школу Вовку не взяли, так как он не мог выговорить ни одного слова. Накануне отправили его с матерью в районный центр – проходить комиссию, к детским врачам. Врачи порекомендовали учиться в школе-интернате, то есть в спецшколе для немых и глухонемых детей и детей с дефектами речи.

Но мать не хотела отдавать туда своего сына.

Да и соседи, знавшие мать и её сына, тоже не советовали – пусть годик ещё дома посидит, может, речь к нему вернётся.

Так и решили.

За год Вовка так отшлифовал свой почерк, что выписывал буквы – и простые, и заглавные – не хуже своей мамы. Писал и целые слова, даже предложения: "Мама мыла раму", "Мяч упал в реку". Но вот беда: читать он не мог.

Нина Ивановна часто плакала и молила Бога, чтобы речь к Вовке вернулась.

Вскоре она сделала для себя открытие: раз Вовка пишет продиктованные ею слова и даже целые предложения – значит, "в уме" он их проговаривает!

Вот только произнести их не может – подолгу "мычит", заикается, а потом краснеет от стыда и совсем замолкает...

Почти год пролетел незаметно. Ничего не поменялось в жизни Вовки.

Стояло лето 1962 года.

Июль. Жара... Вовка любил что-нибудь делать в своём огороде у дома, где росли на грядках морковь, репа, лук, чеснок, укроп и цветы на клумбе.

Затем шли кусты смородины – и чёрной, и красной. И крыжовник, что поспевал одним из первых и напомнил Вовке по своей форме и окраске арбузы, из-за которых он попал в

беду. "Крыжовник – это маленькие арбузики!" – хотелось ему крикнуть, но ничего у него не получалось.

А дальше, после кустов смородины и крыжовника, шли гряды с картошкой. Она уже отцвела и, судя по веткам, обещала хороший урожай.

Потом шёл огороженный участок под сенокос, но он был не разработан. Тут и там виднелись пни от спиленных елей, кусты и заросли иван-чая и дикой малины.

Вот туда и любил ходить Вовка.

Сидел на аккуратно спиленном пеньке и наклонял к себе ветки с ярко-красными бусинками малины, и собирал их губами. Ему казалось, что он чем-то похож в этот момент на маленького медвежонка.

Вовка очень любил быть один, ему и одному никогда не было скучно.

А ещё дальше, за огородом, был смешанный лес с огромными осинами, берёзами и молодыми, набиравшими силу и рост, елями, они спешили придти на смену уже спиленным старым елям.

В лес ходить Вовке не разрешала мама. Он и не ходил далеко, чтобы её не расстраивать. Ходил только дотуда, чтобы было слышно посёлок – лай собак, голоса людей, шум пилорамы.

В лесу он любил собирать грибы, этому его научила мама. Особенно много там было подосиновиков. Иные были похожи на детский стульчик – с огромной красной шляпой и с толстой ногой.

Грибы никогда не росли поодиночке. Если нашёл один, то обязательно рядом ищи другие.

Когда Вовка приносил домой кучу грибов, мать радовалась и огорчалась одновременно.

А Вовка, заикаясь, пытался ей не соврать, а сказать правду – что нашёл их не в огороде, а в лесу, но совсем рядом с огородом – там их много, пойдём вместе. Но сказать он ничего не мог, только заикался.

Мать плакала. А Вовка не понимал, почему она плачет, и пытался успокоить её, обнимая обеими руками и прижимаясь к ней.

Однажды, вдоволь наевшись малины, Вовка сидел на громадном еловом пне в конце своего огорода и задумчиво смотрел на лес, на проснувшиеся от ветра листья осин и берёз, слушал ритмичный шум леса.

Вдруг он увидел на окраине леса старика в длинной белой рубахе, с окладистой седой бородой. Вовке казалось, что он и раньше видел его – у бабушки Нади, в деревне Подол – на иконе. "Точно, он, – решил Вовка, – и с посохом. Это, наверное, Бог ко мне идёт или его какой-нибудь помощник".

Как позднее узнал Вовка, это был старик Григорий из деревни Карныш, что в трёх километрах от Молодёжного.

Старик подошёл к изгороди, спокойно перебрался через неё и ровным шагом направился к дому Вовки. Почти поравнявшись с домом, он увидел застывшего на пне Вовку и подошёл к нему.

У Вовки душа ушла в самые пятки. Он стоял на пне, словно памятник, в каком-то непонятном оцепенении.

Старик подошёл к нему и сказал: "Ну, здравствуй, Вовка. Я – Григорий. Проводи-ка меня к своей маме, Нине Ивановне".

Страх куда-то исчез, а после этих слов и замешательство исчезло, а появилось какое-то озорство. "Сейчас я домой к маме такого приведу, как Бога, и послушаю, чего он ей скажет. Наверное, про отца будут говорить", – подумал он. Но сказать что-либо даже не попытался, а ловко спрыгнул с пня, махнул старцу рукой – мол, следуй за мной, и направился к дому.

Нина Ивановна, знавшая старца Григория, поздоровалась с ним и засуетилась, проводила его в дом, пригласила к столу. Начала рассказывать про Вовкину беду и совсем расплакалась. Вовка ничего не понимал, слушал их разговор и очень жалел свою маму.

Старший брат и младшая сестра тоже были в доме, но в соседней комнате, отгороженной за-боровкой (тонкими досками из сосны или ели, от пола до потолка).

Нина Ивановна поставила самовар. Пили чай с мёдом от бабушки Нади.

Григорий всё время молчал и слушал. Вовка тоже молчал, пил горячий, крепко заваренный чай из блюдечка и старался понять этого старика, но не мог.

Нина Ивановна, волнуясь, рассказывала о том, что случилось с Вовкой.

Попив чаю, Григорий спросил Вовку: "Ты хочешь говорить?" Вовка не ожидал такого вопроса, кивнул ему головой. "Тогда пойдём со мной". Он взял Вовку за руку и подвёл к лавке (лавка – это большая скамейка, она заменяла кровать. Отличие лавки от скамейки в том, что скамейка ставится на четыре ножки, а лавка, ещё чуть более широкая, крепится вдоль стен дома и заменяет собой и стулья и, при необходимости, кровать. Для этого требовалось бросить на неё матрас, набитый сеном или соломой).

Старец Григорий перекрестился три раза. Перекрестил Вовку и обнял его. Потом сказал Вовке, чтобы тот лёг отдыхать.

Вовка на лавке лежал на спине. Григорий, закрыв глаза, сидел рядом с ним на табуретке и читал одну молитву за другой.

Вовка лежал тоже с закрытыми глазами и, кроме "отче наш, иже еси на небеси", ничего не понял и запомнить не мог. Вовке в этот миг казалось, что старец наконец-то хочет вернуть Вовке отца, который уж слишком долго задерживается на своей делянке.

Вскоре, озарённый ровным светом, успокоившийся Вовка заснул. Во сне увидел, как старец привёл его к отцу, Анатолию Ивановичу.

Вовка обнял его за шею обеими руками, прижался к его колючей небритой щеке и крикнул: "Папа, ведь ты живой! А эти все говорят, что ты умер, а я знал, что ты, пока не вырубил весь лес на этой делянке, домой не придёшь... Ведь ты пришёл!" И сны Вовки менялись, как в калейдоскопе.

А старец Григорий сидел на стуле и в полузабытьи читал одну молитву за другой.

Нина Ивановна, смотря на всё это полуотрешённым взглядом, думала о чём-то светлом, своём...

Потом Григорий попросил у Нины Ивановны кусок кудели (кудель – это моток льняного волокна для пряжи). Нина Ивановна принесла.

Он растянул кудель в толстую нить и стал мерить Вовку и креститься, приговаривая молитвы или свои какие-то заговоры. Потом попросил принести заслонку от русской печи и ковш сырой воды. Вовка всё это слышал, но словно сквозь сон.

Григорий скомкал всю нить кудели, которой мерил и крестил Вовку, в клубок и положил его на заслонку печки, не переставая что-то бормотать. Затем поджёг клубок кудели спичкой. Образовался яркий факел, почти до потолка. Григорий, не дав ему догореть, схватил руками и бросил в ковш с водой. Кудель в ковше медленно догорала. Слышался треск. Пламя угасало, а вскоре и вовсе исчезло.

В комнате воцарился полумрак. Уже был вечер. Григорий, без конца читавший молитвы, потрогал Вовку за плечо, приподнял его лёгкое тело за плечи и попросил: "Испей водицы. Сделай три глотка и спи дальше".

Вовка машинально подчинился его просьбе. Выпил воды из протянутого Григорием медного ковша с кривой ручкой. Вода отдавала каким-то странным запахом и вкусом, который сравнить было не с чем.

Потом Григорий испил воды, затем набрал воды в рот и стал на Вовку брызгать, как из пульверизатора. Вовка сначала вздрогнул от неожиданности, потом чуть не рассмеялся.

Он был где-то далеко, где ровный свет и дети с крыльями. И даже его маленькая сестра Валя летает с крыльями и смеётся от радости и догоняет брата Толика. А тот, тоже с крыльями, то улетает от неё, то догоняет её.

Больше в тот день и вечер Вовка ничего не помнил. Заснул крепким сном. А Григорий попросил Нину Ивановну зажечь керосиновую лампу. Сели за стол и долго разговаривали.

А потом Григорий ушёл, сказав на прощание Нине Ивановне: "Не буди его, дай ему отдохнуть. Пусть хорошенько выспится". Она проводила старца и сидела рядом с сыном почти до утра.

Вовка спал счастливым безмятежным сном, о чём говорили его ровное дыхание и медленный ритмичный пульс. Спал Вовка всю ночь, всё утро и большую часть дня, не просыпаясь.

Нина Ивановна поспала немного и снова вернулась к сыну. Он спал безмятежным сном. Прошло семнадцать часов беспробудного сна. Нина Ивановна забеспокоилась.

Что старец сделал с её сыном? Стала Вовку будить, глядя его по голове рукой.

Вовка сначала во сне улыбнулся, затем проснулся и сказал: "Мама, я долго спал? Мама, я тебя больше всех на свете люблю. А где этот дедушка?" Нина Ивановна ответила сыну, что дедушка Григорий ушёл, а ты спал почти сутки.

Вовка спрыгнул с кровати-лавки и начал суетиться, при этом он бормотал себе под нос какие-то слова.

А Нина Ивановна сидела и от счастья плакала. Она поняла, что к Вовке вернулась речь. Он стал говорить.

Вовка говорил без умолку.

В его речи не было никаких признаков болезни или каких-то маленьких дефектов. Речь его была ясна, чиста и проста, как вода, которая, как он сам думал, исцелила его.

Первого сентября он пошёл в школу.

Одноклассники были моложе на один год. Учился Вовка на "хорошо" и "отлично". Учёба давалась легко. Одинаково любил и точные дисциплины, и гуманитарные.

Потом он поступил на исторический факультет пединститута. С отличием закончил его и стал учителем. Стал хорошим учителем истории. Любил и философию. Любил и точные науки. Любил и музыку, и спорт. Любил всё.

На протяжении всей жизни он накапливал знания, информацию, опыт. Много ездил по стране. Особенно он любил Кавказ, где служил срочную службу в Советской Армии и после дембеля жил несколько лет. Потом вернулся на родину.

Он знал ответы на многие вопросы.

Но на вопрос о том, кто такой старец из деревни Карныш – Григорий, он долгое время, почти всю жизнь, не мог дать ответа.

И только на склоне лет он понял, что Григорий – обычный святой старец, посланник от Бога, как он сам в семь с половиной лет определил – помощник Бога.

А таких ведь очень много на земле.

Их больше, чем церквей, их столько, сколько родников. А люди живут на земле и не замечают ни родников, ни старцев.

А некоторым даже церкви мешать стали – вон сколько их уничтожили. Да разве это дело? За ум всем надо браться; а церкви, часовни, монастыри – восстанавливать. Человек должен найти дорогу к вере, иначе он погибнет и будет век маяться.

Родники надо находить и беречь. И не отгораживать их от людей. Пусть люди идут к ним.

Родники никогда не иссякнут на Руси.

Затерянные на просторах России, они плачут и не могут понять, почему люди снялись с насиженных столетиями, тысячелетиями мест и, бросив родные деревни, устремились в города.

И зарастают сорняками поля, и зарастают кустарниками сенокосы...

В отличие от торопливых и суетливых людей, родники России и святые старцы никогда не спешат.

Они знают, что качнётся маятник России в обратную сторону – и люди потянутся к земле, к воде, к природе.

А иначе и быть не может.

Ведь это заложено в самом названии страны: РОССИЯ, РАСЕЯ – рассей людей по рекам, по просторам...

Россия – где рос и ты, и я, и наши предки...

1 сентября 2010 г.

Пашка-шагомер

Эта история произошла в двадцати километрах от обычного районного центра, расположенного на востоке Вологодской области.

В тридцатые годы прошлого века в стране повсеместно были организованы колхозы.

Им предшествовали ТОЗы (товарищества по совместной обработке земли), сельхозартели и сельскохозяйственные коммуны.

И вот завершились все эти эксперименты созданием коллективных хозяйств – колхозов, в которые входили обычно десять-двадцать деревень. В колхозах были бригады, объединявшие несколько деревень, расположенных рядом друг с другом.

В Теребаевской бригаде колхоза имени Фрунзе (был такой герой гражданской войны, выходец из Молдавии, который не имел к деревне Теребаево никакого отношения, но их колхоз гордо носил имя командарма Фрунзе) сеяли рожь, пшеницу, овёс, немного гороха.

Пришла директива сверху: сеять лён. Стали сеять лён. Теребаевцы убрали лён руками. Руками теребили его, вязали в снопы. Снопы составляли в суслоны – ставили, прислоняя верхушками, по четыре штуки и сверху, вверх тормашками, ставили пятый сноп. Так, в суслонах, они и стояли в поле, продуваемые всеми ветрами, до той поры, пока не приедут на конных телегах колхозники, не увезут их и не складировать в скирду, напоминавшую издавна огромную копну сена.

По директиве сверху, уездными властями было решено построить в колхозе имени Фрунзе льнозавод. Вскоре в живописной излучине речки Кипшеньги, на её правом берегу, началась стройка.

В ней принимали участие мастеровые мужики из окрестных деревень – Теребаева, Вырыпаева, Буракова, Самылова, Тарасова, Мякишева. Ну и, конечно же, деревни Подол, расположенной всего в четырехстах метрах от стройки в пойме реки Кипшеньги, на самом её берегу – так близко от воды, что в весеннее половодье вода подходила вплотную к домам и нередко подтапливала хранящуюся в подвалах картошку.

В ходе строительства кирпичных стен льнозавода ощутили острую нехватку кирпича, который обычно завозили в период навигации, на баржах, из Великого Устюга. В уездном центре было решено разобрать на кирпичи для льнозавода Теребаевскую церковь, стоявшую чуть ниже его по течению реки.

Теребаевская церковь располагалась на противоположном от деревни берегу.

Рядом с ней – погост, последнее пристанище закончивших путь земной жителей окрестных деревень.

Церковь была старинной – сколько в точности ей лет и когда её строили, никто толком не знал. Всё уходило в глубокую старину, в глубь веков. До революции в ней велась служба. Крестили, венчали, отпевали – всё, как положено.

Но после Октябрьской революции и гражданской войны церковь пришла в запустение. Священники были арестованы и куда-то сосланы, кресты с колоколами сняты и увезены в неизвестном направлении. А иконостас с иконами, книги и прочие церковные атрибуты были тогда то ли экспропрированы, то ли разворованы.

Униженная и оскорблённая, поруганная неблагодарными людьми, красавица-церковь с молчаливой грустью возвышалась над округой и, казалось, с сожалением и грустью смотрела на потерявших стыд и разум многих людей...

Желавших разобрать церковь на кирпичи нашлось с избытком. В основном это была молодёжь, одурманенная атеистической пропагандой. "Религия – опиум для народа", этот

лозунг тех, кто собою решил подменить и бога, и веру, был принят прежде всего обиженной, не нашедшей себя в жизни частью общества, желавшей выделиться во что бы то ни стало среди других.

Таким был и удалый и бесшабашный парень лет семнадцати по имени Пашка. Воспитывался он у тётки – сестры матери. Мать его рано умерла от тифа, а её муж-пьянчужка отбывал длительный срок в тюрьме, и переписка с ним давно уж не велась.

Сформированная бригада по разборке церкви на кирпичи, вооружённая ломиками, фомками, молотками, кувалдами и зубилами, принялась за работу.

Добротная кладка, сделанная по старинным рецептам, с добавкой в известь и молока, и куриных яиц, связывала кирпичи настолько прочно, что летели искры, металл плющился, кирпичи рассыпались, теряя форму. Терялся и смысл всей работы.

Разбирали церковь сверху, что было очень опасно. Самые отчаянные забрались наверх, где раньше был колокол, отбивали кирпичи в проёмах звонницы.

Особенно хорохорился друг Пашки – одинокий, вечно пьяный молодой мужик Митька, который при этом курил и вовсю ругался матом. Закончилось его старание падением с огромной высоты.

Разбился он насмерть. Работы были приостановлены. Старики, глядя на Пашку и других членов бригады, плевались, крестились, не вступали с ними в разговоры.

Через месяц где-то наверху, в уездном центре, а может быть, и выше, было решено взорвать церковь, а затем уже разобрать на кирпичи, потому что строительство льнозавода замедлилось, а до следующей навигации ждать ещё больше полугода.

И, если будет завезён кирпич, то его надо возить к стройке на конных подводах за шесть вёрст. С пристани Подываково, что на реке Юг, которая бывает судоходной не больше двух недель в году, как раз сразу после ледохода. А тут – вот он, кирпич, всего в полукилометре, бери – не хочу...

Приехали три специалиста-подрывника из уездного центра, привезли с собой взрывчатку. Нашлись и добровольные помощники. Первым среди них был Пашка.

Взрывчатку закладывали три раза.

Первый раз рвануло так, что вылетели стёкла в соседних домах. Но церковь устояла.

Во время второго взрыва куски кирпичей разлетались в разные стороны, в том числе падали в воду, образуя огромные круги, медленно расплывавшиеся по речной глади реки Кипшеньги, соединяясь с другими кругами.

На третий раз колокольня церкви осела, накренилась медленно и рухнула, подняв облако пыли... Людей не было. Все куда-то исчезли... сидели дома и молились, глядя с надеждой на домашние иконы. И только у полупьяных подрывников, у Пашки и его немногих друзей был весёлый взгляд и восторг, и какое-то временное просветление, а за ним какое-то замешательство, какое-то ощущение совершённого греха и предчувствие неизбежной расплаты.

Подрывники уехали.

Из груды разрушенной церкви – глыб, обломков – выбирали кирпич и его половинки и возили на строительство льнозавода. Что было сверху – подобрали и пустили в дело. Но основная часть продолжала лежать на земле, и не было желания ни у кого долбить глыбы в надежде выбить оттуда целый кирпич. Да и сделать это было практически невозможно, так как раствор, связывавший кирпичи, был крепче самих кирпичей.

Льнозавод достроили.

А вот Пашка после этого запил, затосковал: происходили с ним какие-то странные вещи.

Однажды он, пьяный, возвращаясь домой, поскользнулся на лаве – так называется деревянный настил-тропинка через речку, заменявший мост на Кипшеньге, – и упал в реку. Упал неудачно – повредил позвоночник. Его спасли случайно проходившие мимо деревенские.

Потом он долго лежал, отнимались ноги.

На спине образовался горб, который рос, сокращая Пашку в размере. На всю жизнь Пашка остался инвалидом, так и не женился. Кому он нужен такой?

Ходить Пашка научился заново. Но было странно, и как-то не по себе, когда он шёл.

Горбатый, скрюченный, он неуклюже и в то же время довольно быстро переставлял ноги при ходьбе, а его сторбленное туловище ходило вверх-вниз, вверх-вниз...

Когда он шёл по тропинке через поле от льнозавода к своей деревне, то в разнотравье скрывались его ноги, виднелось только туловище. И воображение рисовало картину: скачет по полю всадник, высокая трава скрывает коня.

Кто-то из деревенских остряков дал ему прозвище – Пашка-шагомер, оно приклеилось к нему на всю жизнь.

Пашка-шагомер до старости так и не дожил, так и не оставил после себя никого, всю жизнь прожил бобылём.

Умер он через двадцать лет, как раз в тот день, когда взрывали церковь.

На похоронах почти никого не было. Похоронили недалеко от разрушенной при его активном участии церкви, оставшиеся от неё каменные глыбы всё ещё продолжали лежать, объятые лопухами и крапивой...

А ночью у развалин церкви – тишина.

Луна, ко всему привыкшая, смотрит на грешную землю и молчит.

Вода в речке Кипшеньге плавно течёт и уносит всё с собой в реку Юг.

А та, вместе с Сухоной, – в Северную Двину, а та – на Север, в Ледовитый, в Мировой океан, чтобы опять вернуться обратно – в виде дождя или снега.

И пройти по древнему руслу речки Кипшеньги – снова... И впитать в себя новые впечатления от потомков тех людей, что жили на берегах речки Кипшеньги в прошлый раз...

4 января 2011 г.

Случай на переезде

Это произошло в обычный летний день.

В одном районном центре на железнодорожном переезде водитель иномарки объехал стоявшую первой у шлагбаума автомашину ВАЗ 2108 и тем самым отгеснил её на второй план.

Товарный состав со скоростью пешехода катился по рельсам, стуча на стыках гружёными вагонами с лесом и нефтяными цистернами. Пешеходы тоже ждали, когда откроется переезд. Ждал и мужик по имени Василий, который купил у кума козу и вёл её за поводок к себе домой.

Из той "восьмёрки", которую обогнала "иномарка", вышли возмущённые парни. Их было пятеро. Вытащили из-за руля "иномарки" 25-летнего пижона вместе с таким же, как он, приятелем и начали их мутузить. Те вяло сопротивлялись и, судя по всему, были пьяны.

Вагончики неспешно катились. Парни отчаянно бились. Собравшаяся у переезда небольшая толпа зевак-пешеходов с интересом наблюдала за дракой, больше похожей на избиение одних другими.

Большой здоровяк Василий, всю жизнь проработавший кузнецом в колхозной кузнице, имевший троих сыновей, не переносил драки, насилия, агрессии в любом её проявлении – впрочем, как и все здоровяки-мужчины. (Уверенный в своей силе и правоте человек применяет силу только в крайнем случае, ему незачем махать кулаками по любому поводу).

Машинально привязав свою козу за поводок к шлагбауму, Василий бросился разнимать дерущихся молодых людей. Увидев громадного мужика, парни нехотя сели в "восьмёрку".

Подняв изрядно побитого пассажира "иномарки", Василий помог ему сесть в машину. А потом взял за галстук водителя "иномарки" и стал объяснять ему, что тот сам во всём виноват. Нельзя так. Нельзя лезть без очереди. Раз пролезешь, два пролезешь, а потом ведь найдётся или найдутся те, кто будут вас учить правилам движения и уважения к окружающим...

Василий явно увлёкся, так как поезд уже ушёл, на прощание свистнув. И всё пришло в движение. Поехали через переезд машины по встречной полосе. Хор клаксонов сзади заставил и водителей "иномарки" с "восьмёркой" продолжить путь, что они и сделали.

Но пешеходы не спешили расходиться. Своё внимание они переключили на козу, которую шлагбаум поднял вверх за привязанный к нему поводок.

Коза тарасила на окружающих свои глаза, болтала ногами и выменем...

Оторопевший Василий бросился спасать козу. Конечно же, спас и её, чем порадовал собравшихся зевак.

3 января 2011 г.

Семь скобелей

Андрей и Роман были родными братьями.

Андрей был старше на два года. Рос он трудолюбивым, ответственным мальчуганом.

Его часто ставили в пример родному брату Роману, который был удивительно подвижным, непредсказуемым и совсем не послушным.

Андрей – старший из мужиков в семье, отца они похоронили, ещё когда учились в начальной школе – и всё детство боролись за выживание, вместе с родной мамой, Анной. Она любила их одинаково и всю себя отдавала работе на колхозной ферме, чтобы одеть и прокормить двух сыновей и дочурку Галочку.

Роман рос и освобождался от опеки и воспитания старшего брата. В отличие от Андрея, он не любил работать. Ему лень было взять самодельную лопату и отгрести от калитки выпавший за ночь снег. Не любил Рома ходить на речку по воду, пилить, колотить и укладывать в аккуратные поленицы дрова.

И читать Рома тоже не любил. Всё время проводил в каких-то непонятных для Андрея занятиях: то сидел за столом в углу горницы, под иконами и подолгу рисовал, то уходил куда-то далеко из дома. Потом все искали его. А он оказывался в гостях у дальних родственников – и не в соседней деревне, а совсем в другом сельсовете.

Андрей, напротив, любил работать. Он работал с каким-то внутренним ритмом, с упоением, и казалось, что не уставал, а делал всё играючи.

Вдоволь наработавшись, брал в руки гармошку-тальянку. Играл с каким-то самозабвением: то с грустью, то с озорством, то с бесшабашной и отчаянной удалью. И все молча слушали его игру и не понимали, откуда он берёт все эти мотивы и ритмы – ведь по-настоящему его никто не учил играть на тальянке. Он, как и большинство подобных ему музыкантов, родившихся в деревнях, затерянных в лесах России, – самородок.

Андрей беззаветно любил младшего брата, с грустью понимая, что брат совсем не такой, как он сам. Очень многое ему в Роме не нравилось. Иногда казалось – Роман почти чужой. Бывали ссоры, ругань. Бывали и драки. Роман был выше и здоровее Андрея, но частенько убегал, зная характер и волю старшего брата. Он по-своему любил брата и не хотел ссориться.

А вскоре они расстались. Роман уехал к двоюродному брату в Мончегорск, на Север – на заработки. Работал на комбинате "Североникель".

Андрей же работал в колхозе, да ещё подрабатывал на рубке срубов домов или бань. Со временем женился на молодой красавице из соседней деревни, Люльково, что в Зеленцовском сельсовете. Воспитывали сына Ивана, а вскоре появился ещё и Степан, а за ним дочка, Катя.

А Роман жил холостяком. Каждый год приезжал в отпуск в родную деревню. Хорошо высыпался и много курил. Выпивал и швырялся деньгами.

Взаимопонимания между Андреем и Романом по-прежнему не было. Они любили друг друга, писали письма. А, встретившись, через два часа уже или молчали, или ругались друг с другом.

Вот и в июне этого года Роман сообщил брату, что скоро отпуск, и он приедет домой.

Спросил: чего надо привезти в забытую богом деревню?

Андрей получил письмо, прочитал его и решил попросить брата привезти несколько скобелей. Это такой нехитрый инструмент – острая, хорошо заточенная металлическая полукруглая скоба с двумя деревянными ручками – для снятия коры, сучков и неровностей с поверхности бревна.

Андрей подумал, что и другим мужикам тоже нужен этот инструмент, пусть брат привезёт с запасом. Насчитал, что надо бы штук семь.

Так как времени до приезда брата оставалось мало, пошёл на почту и подал телеграмму в город Мончегорск: "Жду в гости. Привези семь скобелей. Строим в деревне пятистенок".

Роман телеграмму получил и прочитал: "Жду в гости. Привези семь кобелей. Строим в деревне пятистенок". (Невнимательная телеграфистка в слове "скобелей" пропустила букву "с", и смысл телеграммы совершенно изменился).

Роман усмехнулся, подумав: "Опять брату-ха там, в деревне с ума сходит. Семи кобелей ему не хватает для полного счастья... Перебирался бы лучше из деревни к нам в город, работали бы вместе на комбинате".

Неделю спустя Андрей сидел с топором на углу на двенадцатом венце пятистенка, подравнивал паз для следующего бревна.

Работавшие с ним мужики сказали: "Вон с города, с Никольска в Зеленцово автобус пришёл. Посмотрите, кто к нам этим рейсом в гости на лето приехал". Андрей подумал – может быть, брат Роман уже приехал? Год не виделись, соскучились друг по другу...

ПАЗик высадил приехавших на большой дороге, на горке и умчался дальше, поднимая клубы пыли с грунтовки.

Зрение у Андрея было отменное.

Он смотрел – и глазам своим не верил: с горки от деревни Зеленцово к деревне Люльково шла небольшая группа людей с сумками и чемоданами. А сзади них шёл высокий стройный пижон в белом костюме, с трудом сдерживая тащивших его за поводки собак. Те, почуяв свободу и устав от автобусной тряски, тащили пижона под гору.

В этом пижоне Андрей узнал родного брата, Романа...

Расхохотался... Выругался...

Потом громко сказал: "Ну, слава богу, опять родной чудак в гости приехал и всё перепутал. Вместо семи скобелей везёт нам семь собак, наверное, кобелей".

Мужики громко захохотали. Андрей ловко воткнул топор в почти готовое бревно и, глубоко задумавшись, закурил...

16 августа 2012 г.

Школьные годы

В 1961 году Вовка пошёл в школу. Жил он тогда в деревне Подол Никольского района Вологодской области, вместе с бабушкой – Надеждой Гавриловной, мамой – Ниной Ивановной, братом Толиком и сестрой Валей.

За маленький рост все его называли Фунтиком. А он не обижался, ему всё равно. Фунтик так Фунтик.

А школа начальная находилась в соседней деревне Вырыпаево, всего один километр через речку Кипшеньгу – и в гору. Гора эта очень крутая. Если зимой, бывало, пойдёшь напрямиком, поскользнёшься нечаянно, то можешь обратно домой уехать.

В начальной школе учителями были два родных брата: Александр Михайлович Куваев – фронтовик, с металлическим протезом вместо левой ноги, и Афанасий Михайлович Куваев. Деревенские его Афоней звали, а он тоже не обижался – Афоня так Афоня. (Что обижаться, если ума маловато и образования нет, ни в армию, ни на войну не взяли... Да и жил он не в деревне Вырыпаево, а в соседней, что в трёх километрах, в деревне Гагарин Починок).

В классе начальной школы были собраны все ученики из четырёх ближайших деревень. Сидели в двух смежных комнатах – за восемью партами. В одной комнате 1-й и 3-й классы, в другой – 2-й и 4-й. Кто прошёл все четыре класса, тот шёл в 5-й класс – в Теребаевскую восьмилетнюю школу.

Афанасий Михайлович, то есть Афоня, взял себе самые лёгкие учебные предметы: труд, рисование и пение. Ну, а физкультуры и вовсе не было (пока идёшь до школы, так уже физзарядка с физкультурой вроде как и ни к чему, да потом ещё домой возвращаться).

На уроках труда лопатами и вениками убирали снег у школы, а когда снега не было – ученики пилили дрова металлической пилой с деревянными ручками, а братья-учителя кололи их. Первоклашки и второклашки уносили поленья в дровяник и складывали в поленицы.

Больше всех Афанасию Михайловичу – то есть Афоне – нравились уроки пения. Голос у него был громкий и глуховатый. Пел он на уроках, без музыкального сопровождения, русские народные песни. Ученики, как могли, подпевали ему. Во время пения он дирижировал правой рукой, в которой была длинная самодельная указка. Тех, кто пел старательно, Афанасий Михайлович гладил указкой по голове. А тех, кто дурачился во время урока или не попадал в такт, он несильно щёлкал указкой по голове.

Вовке нравилось в школе всё, в том числе и рисование. Дома он любил рисовать снежинки, на улице зимой ловил их, подставляя варежку, и рассматривал, любуясь их строгим узором и красотой. Выдумывал замысловатые орнаменты и раскрашивал их цветными карандашами. А в школе Вовке, как и всем остальным ученикам, приходилось перерисовывать в тетрадь с доски каракули Афанасия Михайловича, означающие то лист дерева, то лейку, то графин, то гранёный стакан, то птичку.

Остальные, более сложные предметы, вёл Александр Михайлович, заодно он контролировал Афону, так как был директором школы. Был он строгим и справедливым.

На переменах учителя часто и помногу курили папиросы "Беломорканал". Ученикам, конечно, они курить не разрешали. Говорили, что это вредно для здоровья.

А ученики, тогда ещё малообразованные, глядели на учителей и соглашались, так как у Александра Михайловича не было ноги, а у Афони было много странностей.

Когда дети сильно веселились, Афанасий любил несильно щёлкать указкой по голове главного шалуна. На переменах шалили все. Играли, толкались, бегали друг за другом вокруг печки. Часто главным шалуном был Олег. Олег не боялся Афони. Были они из одной деревни Гагарин Починок.

После уроков Вовка шёл домой, в деревню Подол, спускаясь вниз по крутой горе и пересекая речку Кипшеньгу.

Зимой – по льду, весной и осенью, когда Кипшеньга, наполненная водой, стекающей со склонов Северных Увалов, выходила из берегов, – переправлялись на лодке.

Переправлялись самостоятельно, если лодка была на этом берегу. А если на том, то стояли и ждали или кричали своим деревенским: "Перевезите за реку-у! Перевезите за реку-у-у!" Кто-нибудь из деревенских обязательно приходил к ним на помощь.

А летом речка Кипшеньга становилась мелководной, её можно было легко перейти вброд, закатав штаны по колено.

Когда вода спадала, мужики строили через речку лаву. Это такой переход из вбитых в дно реки кольев, на которые положены доски. Лава доживала до первой большой воды и отправлялась вместе с ней по течению...

Так Вовка и другие школьники ежедневно два раза пересекали речку Кипшеньгу: из дома в школу, из школы домой – рисуя вместе с водой обычный земной крест.

А одноклассник и друг Вовки Олег вместе с Афанасием Михайловичем шли в деревню Гагарин Починок. Три километра лесом, по извилистой дороге. Иногда они разговаривали на разные темы, иногда пели песни, как два друга. Но бывали случаи, когда расшалившийся в школе Олег ругал Афанасия Михайловича Афонею, а после уроков убежал от Афони до Гагарина Починка и жаловался своему отцу. На то, что Афанасий Михайлович щёлкает всех в классе указкой по голове.

Отец Олега Григорий был колоритным, матёрым мужчиной: фронтовик, прошагавший с боями от Москвы до Будапешта, увешанный орденами и медалями. Обладал потрясающим басом.

Григорий напоминал многим образ Носопыря из рассказов В.И.Белова. Но был намного колоритнее и выразительнее.

При виде Григория уже Афоня убежал от него на другой конец деревни и уходил в глухую оборону.

Зла в деревне никто ни на кого не держал, всё забывалось.

И всё повторялось.

Как бы то ни было, ученики выросли и были благодарны своим первым учителям.

Афанасий Михайлович и Александр Михайлович Куваевы запомнились Вовке и его сверстникам навсегда. Ведь именно они, с их самобытностью и причудами, привили ребятам любовь к учению, к знаниям на всю жизнь.

Они были настоящими учителями, а не просто педагогами.

Ещё запомнился Вовке один случай.

Когда он в конце мая, в четвёртом классе, шёл в школу, то увидел, что у большого тополя на горке, недалеко от школы, красивый мужик, похожий на Василия Ивановича Чапаева, прямит удилище, привязав тонкий конец к сучку тополя, а на толстый конец он привязывал на проволоку кирпичи. Вовка подумал, что дядя большой и с усами, а занимается неделом. Подошёл и сказал: "Дяденька, а давай, я тебе после уроков вырежу настоящую удочку".

Мужика такой разговор застал врасплох. Он посмотрел на Вовку внимательным добрым взглядом и спросил: "Ты чей и как тебя звать?" Вовка ответил, что он из деревни Подол, Нины Ивановны сын и Надьки Гариной внук, Вовка Фунтик.

Мужчина рассмеялся. Потом сказал: "Ты, Вовка, далеко пойдёшь", а сам куда-то ушёл. А Вовке идти никуда не надо было, школа была рядом.

Потом, через много лет, Вовка узнал, что это был поэт и земляк, Александр Яковлевич Попов – Александр Яшин, который приезжал к родственникам в деревню Вырыпаево.

А дед его, Михаил Михайлович Попов, основал в 1900 году в своей деревне начальную школу, он постановил: "Учить Шурку".

Другу всю душу, врагу весь гнев – так был воспитан мой земляк А. Яшин, так и жил. А такие люди в России живут недолго. Их потом жалеют – когда убьют или когда они раньше времени сами уйдут из жизни.

Все охи-вздохи, всякие причитания, сожаления и воспоминания начинаются потом, когда их уже нет...

Замечательный русский поэт, писатель Александр Яковлевич Яшин умер 11 июля 1968 года в Москве. По завещанию похоронен на родине, на Бобришном Угоре, куда каждый год писатели и поэты, друзья, поклонники его таланта приезжали и приезжают, чтобы почтить его память. Грустно, но их становится меньше...

С пятого по восьмой класс надо было ходить за три километра в деревню Теребаево. И речку Кипшеньгу пересекать два раза туда и два раза обратно, "рисуя" вместе с водой "восьмёрку", знак бесконечности. А мост был один, и тот в стороне, в деревне Мякишево.

В Теребаевской восьмилетней школе учеников полно. Школа большая, учителей тоже много. Директор – Берсенева Роза Петровна, степенная рыжеволосая женщина с умными добрыми глазами. Заместителем у неё был Гагарин Сергей Дмитриевич, учитель истории – небольшого роста, сухощавый, очень подвижный. Замечательный рассказчик, он был беззаветно влюблён в свой учебный предмет.

А жена его, Гагарина Лия Александровна, преподавала биологию и химию. Всё опыты по химии любила делать – противные, вонючие такие опыты, с серной кислотой (и с соляной тоже любила), всё про валентности спрашивала, про H_2O . Многие её не любили. И химию тоже. Вовка тоже не любил. И не жалел об этом, а то бы выучился и стал химиком.

Весной, когда по речке Кипшеньге сплавляли брёвна, мальчишки, бывало, дурачились и даже в школу на брёвнах приплывали.

Доску положат на два бревна, садятся на неё, рискуя перевернуться и искупаться в холодной воде, и ждут, когда приплывут.

Река сделает небольшой крюк к деревне Тара-сово и всё равно к деревне Теребаево потечёт. У больницы выйдут, чтобы в деревню Кузнецово не уехать – и напрямик в школу.

Вовка любил возвращаться домой один. По дороге горланил песни, рассказывал сам себе стихи. Пока домой возвращался, так заодно и уроки, то есть домашнее задание, делал.

Ну, те, которые устно были заданы.

А зимой, бывало, по радио говорят с хрипом: "Ввиду сильных морозов занятия в школах отменены по 8-й класс включительно". Вовка радиоприёмнику не доверял и всё равно собирался в школу.

Бабушка Вовку ругает, по две картофелины горячих в рукавицы даёт, чтобы пальцы рук не отморозил. Сбегал, проверил – точно, никто не пришел, – и обратно домой.

Фунтиком Вовку уже перестали звать, а звали Орлёнком. Он не обижался. Орлёнок так Орлёнок. Называли его так, наверное, потому, что мама, Нина Ивановна, вместе с бабушкой Надей купили Вовке велосипед, "Орлёнок". Вовка на нём гонял всё свободное время, был виртуозом.

А в Теребаевскую восьмилетнюю школу каждый год учителей молодых направляли, отработать три года после окончания вуза. Потом многие из них уезжали.

Приехала по распределению одна учительница, по русскому языку и литературе, красивая такая, звали её Нина Александровна. Многие школьники любили её и её уроки. И Вовка тоже.

Один раз задала она домашнее задание: написать сочинение на свободную тему, по любой картине из школьного учебника.

Вовка написал сочинение по картине "В.И. Ленин на субботнике". Писал поздно вечером, при свете керосиновой лампы, когда дома уже все спали. Написал подробно, на пяти страницах, и с юмором: "...брёвна так не носят... Ленин не переделся в рабочую форму... если далеко нести, так надо на тракторе или на лошади, а если близко, так надо катить кольями, как наши деревенские мужики, я бы один и то справился..."

Высчитал рост мужиков, используя знания по геометрии: если у самого главного рост 1 метр 62 см, то у последнего будет рост 1 метр 24 см – как будто лилипуты на субботнике. То есть непонятно, зачем и куда носят таким образом такие толстые брёвна.

И непонятно, куда Ленин ведёт мужиков.

Так и написал. Этого Вовка сам не мог понять, а в школе про эту картину ещё не рассказывали.

...Нина Александровна сначала не пожаловалась директору. Она сказала Вовке, чтобы он в школу с отцом пришёл. Вовка ответил, что с отцом придти не может, отец умер ещё семь лет назад, в 33 года. И с гордостью добавил – а до этого он служил в Кремлёвском гарнизоне, в Москве.

Нина Александровна отвела Вовку к директору, Берсеновой Розе Петровне. Та долго слушала, а Вовка всерьёз говорил. А потом она сказала – горе у тебя, Вовка, от ума будет...

Сочинение забрала и оценку не поставила.

Восьмилетнюю школу Вовка закончил с хорошими и отличными оценками.

Ему и его сверстникам хотелось учиться дальше. Ближайшая средняя школа находилась в районном центре, Никольске, в 20-ти километрах от Вовкиной деревни.

Почти всем классом продолжили учёбу в Никольской средней школе. Жили кто в интернате, кто у родственников, а кто, как Вовка, снимал угол у чужих людей.

Недалеко от школы находилась районная библиотека имени Потанина, основанная ещё в девятнадцатом веке. Когда Вовка впервые зашёл в неё, то был по-настоящему потрясён обилием книг, древних фолиантов, журналов, сборников, газетных подшивок. Ровный свет, исходивший от электрических ламп дневного света, создавал в читальном зале загадочно-торжественную атмосферу. Читальный зал никогда не пустовал, здесь были и пенсионеры, и школьники, и взрослые люди.

Здесь, среди книг, Вовка и проводил всё своё свободное время. Ему хотелось перечитать все книги. Такая тяга к учёбе, к знаниям была не только у него, а почти у всех сверстников.

Другим увлечением у всех был спорт. При районном Доме культуры и в школе работали разные спортивные секции – по вольной борьбе, по гиревому спорту, лёгкой атлетике, лыжам... В учёбе и спорте, благодаря учителям, была создана почти праздничная атмосфера всеобщего увлечения и состязательности.

Это были поистине лучшие годы, когда закладывался фундамент и определялись ориентиры будущей самостоятельной жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.